

Дорогой Председатель, Вы мой жизненный наставник. Наша семья, благодаря настойчивости бригадира и защите деревенских жителей, временно была заперта в нашем собственном дворе. В тот день, когда я пишу Вам это письмо, группа хулиганов снова устроила беспорядки в нашей деревне. Бригадир уже едва выдерживает давление, но мы же хорошие товарищи, служащие народу! Чтобы мы, хорошие товарищи, не понесли несправедливых обвинений, бригадир перенес много страданий, и на его голове появилось еще несколько седых волос. Товарищи в бригаде тоже не могут нормально отдыхать, ведь они должны поддерживать город и делать вклад в народ! Мы сами не боимся несправедливости, но они не должны страдать и уставать напрасно!

Неужели в коммуне больше нет справедливости? Под Вашим руководством три горы, давившие на народ, были сброшены, но почему мы до сих пор угнетены злыми силами?

Я безгранично верю в Вашу справедливость и, несмотря на понимание Вашей занятости государственными делами, все же написал это письмо. Мое сердце разрывается от боли. Вы должны заниматься более важными национальными делами, а не нашими коммунальными, бригадными и даже семейными проблемами.

Но у меня просто не осталось другого выхода. Мои дедушка, бабушка, дяди, родители мучаются из-за этой ситуации, односельчане страдают из-за нас, а старший брат все еще лежит в постели. Я не могу сам выбраться из этой сложной ситуации. Я хочу, как и Вы, найти светлый путь реформ в трудных условиях, но, несмотря на все усилия, не могу найти направление. Поэтому я осмелился обратиться к Вам с просьбой.

Это письмо мы с сестрой писали и переписывали, исправляли и снова писали, и только после множества трудностей оно попало к Вам в руки. Не знаю, смогу ли я увидеть Ваш ответ, но я верю, что Вы всегда будете тем, кого я глубоко уважаю! С уважением,

Да Ань!

Провинция Х, город Хайчжун, поселок Минляо, коммуна Цзяньлинь, бригада Циншань.

С уважением, Лян Тин.

— Дацун, возвращайся, зачем ты вернулся!

Лян Цзивэнь не обращал внимания, его мрачный взгляд был прикован к Цюй Хэ. Как только Лян Цзивэнь вышел, Цюй Хэ начал дрожать, и холодный пот постепенно выступил у него на спине.

— ...

Он попытался что-то сказать, но из-за страха его горло пересохло, и он не смог издать ни звука. Тень, которую Лян Цзивэнь бросил на него, была гораздо глубже, чем он себе представлял. Как только он увидел лицо Лян Цзивэня, он вспомнил то ночное выражение его лица, полное безразличия, и контраст с той болью, которую он им причинил. Он ударил так сильно, что Цюй Хэ даже слышал, как кости ломаются.

Но все говорили, что с ним все в порядке. Он просил бабушку найти ему нескольких врачей, даже специально ездил в город на обследование, но все было в порядке. Даже его дедушка и бабушка перестали беспокоиться и начали успокаивать его, говоря, что верят ему, хотя на самом деле просто утешали.

Лян Цзивэнь взял коромысло и с силой бросил его. Свист ветра пронесся в воздухе, и коромысло глубоко вонзилось в землю перед Цюй Хэ, конец его еще несколько раз сильно качнулся.

— ...

Цюй Хэ был ошеломлен. Коромысло ударило его по ноге, и только тогда он, кажется, наконец пришел в себя. Его ноги подкосились, и он, как мешок с костями, рухнул на землю, его глаза были пусты.

— Убирайтесь!

Люди, которых привел Цюй Хэ, тоже были напуганы. Лян Цзивэнь приказал им убираться, и они быстро подняли Цюй Хэ и унесли его, боясь, что Лян Цзивэнь снова бросит что-нибудь.

Жители деревни Лянли тоже были потрясены. В их сердцах одновременно появилось и уважение, и жалость к семье Лян. В конце концов, они были соседями, и сила Лян Цзивэня, как у небожителя, могла вызвать зависть и ревность. Но Лян Цзивэнь обычно помогал всем с тяжелой работой, и хотя раньше он был глуповат, он был честным и не создавал проблем. К тому же, у семьи Лян была хорошая репутация, а дедушка и бабушка Лян были добрыми людьми. Поэтому, хотя в сердцах некоторых могла быть зависть, большинство все же испытывало сочувствие.

Раны Лян Цзивэня только начали заживать, и после такого усилия они снова разошлись. Взрослые из семьи Лян с благодарностью проводили гостей. Все знали, что сейчас семье Лян приходится нелегко, и воспользовались моментом, чтобы принести что-то из дома. Семья Лян чувствовала себя неловко, но их ситуация не позволяла им отказаться. Их запасы зерна и сахара были либо испорчены, либо украдены бандой Цуй Дапао, и в зерновом амбаре почти ничего не осталось.

После того как все ушли, семья Лян повернулась к Лян Цзивэню с намерением отчитать его, но, встретившись с его темными глазами, они не смогли произнести ни слова.

Это они были беспомощны. Если бы они могли прогнать этих людей, Лян Цзивэню не пришлось бы терпеть боль и выходить наружу, и он бы не получил новых травм. Они ненавидели Цуй Дапао и его банду, но и себя они тоже ненавидели.

— Быстрее заходи в дом, покажи, как там твоя рана.

Дедушка Чжань, прожив здесь несколько месяцев, начал говорить с северо-восточным акцентом. Он беспокоился о ране Лян Цзивэня, и в спешке его акцент стал еще заметнее.

— Да-да, быстрее заходи!

Поддержав дедушку Чжаня, семья Лян забыла обо всем остальном. Мужчины и женщины быстро принялись убирать вещи, загораживающие вход.

Дедушка Чжань осмотрел рану и увидел, что она снова разошлась, но Лян Цзивэнь смог контролировать кровотечение, и крови было немного. Дедушка Чжань наложил лекарство, а Лян Цзихэн, ползая на четвереньках, подобрался к Лян Цзивэню и начал дуть на рану, надувая щеки.

— Фу~ Фу~ Пфф!

Лян Цзихэн старательно надувал щеки, дуя на Лян Цзивэня, но вместе с воздухом вылетела и слюна. Ему это показалось забавным, и он начал плевать в сторону Лян Цзивэня. Близнецы, увидев, как младший брат развлекается, тоже подползли и начали плевать, окружив Лян Цзивэня. Взрослые и дети вокруг смеялись.

Лян Цзивэнь, которого обрызгали слюной, лишь промолчал.

Когда рана Лян Цзивэня была обработана, и все посмеялись, он рассказал о своем замысле. Чжань Цзюцзян показал письмо, которое Лян Тин переписала, и все прочитали его.

— Это сработает? — Бабушка Лян тревожно спросила.

Она была деревенской старушкой, редко бывавшей даже в уездном городе, и мысль о том, что это письмо попадет к Председателю, заставляла ее сердце биться чаще.

— Этот метод довольно перспективный.

Мама Лян была самой образованной в семье. Она была новой интеллигентной женщиной, и хотя она жила в деревне и не общалась с важными людьми, она хорошо разбиралась в текущих событиях. Она опустила глаза, ее густые ресницы скрывали сложные эмоции.

— В любом случае, у нас нет других вариантов, так что давайте попробуем.

— Может, нам нужно немного отредактировать письмо? — спросил старший дядя Лян.

Он думал о том, что письмо предназначено для самого Председателя. Лян Тин всегда хорошо училась, но ей всего десять лет, ее почерк детский, и выражения местами наивны. Он считал, что такое письмо будет неуместным.

— Нет, так будет лучше.

Папа Лян забрал письмо у старшего дяди Лян и снова прочитал его.

— Если его написала Тин, то детскость — это как раз то, что нужно. Детские мысли всегда самые искренние и способны тронуть сердце.

Чжань Цзюцзян согласился с этим. Его стиль письма был хорош, и он мог бы сделать из этого письма настоящий шедевр, подчеркнув их страдания и злобу Цуй Дапао. Но он долго колебался и в итоге не стал этого делать. Во-первых, Председатель, с его широким кругозором и богатым опытом, сразу бы заметил их уловки. Во-вторых, они были простыми деревенскими жителями, и если бы письмо было слишком искусным, это не соответствовало бы их положению.

Лян Тин писала письмо через призму своего незрелого, еще не испорченного взгляда на мир, и это придавало письму объективность и детскую наивность, что невольно склоняло симпатии на их сторону.

Идея с письмом была принята, но возник вопрос: как его отправить?

— У меня есть несколько надежных знакомых, которые могут помочь. — Дедушка Чжань предложил.